

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2019-12-1-5-29

Дж. Д. Ульман

*Ball State University
Muncie, IN 47306, United States of America*

ulman2@bsu.edu

РАДИКАЛЬНЫЙ БИХЕВИОРИЗМ ПРОТИВ ПРАГМАТИЗМА

Некоторые бихевиористы рассматривают позитивизм как отжившую научную философию и выступают в поддержку прагматизма или вытекающего из него контекстуализма как подходящего философского мировоззрения для изучения поведения. Я утверждаю, что прагматизм так же ошибочен, как и позитивизм, и, в сущности, по той же причине: они оба имеют один источник происхождения – британский эмпиризм. Я различаю опытный подход и эмпиризм. Первый представляет собой индуктивный экспериментальный подход, начало которому положил Френсис Бэкон (1561–1626), и его примером является работа Б. Ф. Скиннера. Второй – это сомнительная эпистемология, основанная Джоном Локком (1632–1708), ведущая к неясности и неопределенности по поводу связи между ощущениями и материальной реальностью, а в итоге и к распространению менталистских / когнитивных конструкторов, которые появляются в современной бихевиористской литературе. Я также анализирую амбивалентную роль философии науки Эрнста Маха, которая, с одной стороны, значительно повлияла на таких знаменитых ученых, как Эйнштейн и Скиннер, а с другой, произвела противоположный эффект, способствуя становлению позитивизма как философской школы. Наконец, я доказываю, что термин «радикальный бихевиоризм» следует заменить термином «бихевиоральный материализм», обозначающим научную философию, лежащую в основе бихевиорологии, философию, которая согласуется с научным материализмом, а не прагматизмом или контекстуализмом.

Ключевые слова: бихевиорология, бихевиоральный материализм, контекстуализм, материализм, позитивизм, прагматизм, радикальный бихевиоризм.

На первый взгляд споры о конкурирующих философских взглядах могут показаться далекими от проведения бихевиорологических

Ульман Дж. Д. Радикальный бихевиоризм против прагматизма // *Reflexio*. 2019. Т. 12, № 1. С. 5–29.

исследований. Но эти вопросы имеют прямое отношение к тому, что мы думаем о нашем предмете изучения, контингентных связях между действиями и другими событиями. Итак, с бихевиорологической точки зрения, где мы должны начать такую философскую оценку? Путеводную нить дает Скиннер. В своей работе «О бихевиоризме» (1974) он обсуждает различные «измы» с точки зрения поведения «знания». Он утверждает, что философия или другие области знания

объясняют некоторые крупномасштабные паттерны поведения, характерные для людей, класса, периода или культуры. Говорят, что человек действует или говорит некоторым образом, потому что он прагматик ... или бихевиорист. Термины такого рода классифицируют поведение, имеющее конкретные последствия при определенных условиях. Противоречия, такие как противоречия между эмпиризмом и рационализмом [или, мы могли бы добавить, между радикальным бихевиоризмом и прагматизмом. – Дж. Ульман], есть противоречия между контингенциями, и если история идей, кажется, показывает развитие человеческой мысли ... это происходит потому, что практики, связанные с одним из «измов», в конечном итоге приводят к возникновению условий, при которых генерируется и в течение некоторого времени поддерживается иной паттерн поведения [Skinner, 1974. P. 146–147].

Таким образом, в этом обсуждении «измов» мы можем думать о них как о классах поведения, имеющих конкретные последствия при определенных условиях. Перейдем к «измам».

Радикальный бихевиоризм интерпретируется настолько разнообразными способами, что они стали несовместимы друг с другом. И теперь возникает вопрос: существуют ли различные виды радикального бихевиоризма? Бихевиорологи должны проанализировать эту ситуацию и уточнить, что именно мы имеем в виду, когда используем данный термин. Мы не можем избежать решения философских вопросов, которые возникают при проведении бихевиорологического исследования. Тем не менее мы должны избегать того, чтобы решать их бессистемно, не пользуясь преимуществами, которые дает согласованный комплекс философских принципов. Мое предложение заключается в том, чтобы философское основание бихевиорологии более не обозначалось как «радикальный бихевиоризм», и, следовательно, нам больше не должно заботиться, как другие определяют этот термин. Поскольку Международное общество бихевиорологии не обладает авторскими правами на использование понятий, пусть другие говорят все, что хотят о радикальном бихевиоризме. Я предлагаю вместо это-

го использовать термин «бихевиоральный материализм», тщательно объяснив, что он означает.

Таким образом, я подхожу к названию статьи: «Радикальный бихевиоризм против прагматизма». Мое исследование различных интерпретаций радикального бихевиоризма показало, что наибольшее расхождение между моим пониманием этого термина, которое основывается преимущественно на чтении работ Б. Ф. Скиннера (и которое уместно назвать классическим радикальным бихевиоризмом), и другими интерпретациями связано с теми, кто описывает себя как бихевиоральных психологов, а свою философскую ориентацию как контекстуализм. Один из таких авторов, обращаясь к сути вопроса, утверждает, что «контекстуализм является, в сущности, синонимом радикального бихевиоризма, термина, который может вводить в заблуждение. Скиннеру может нравиться или не нравиться такое отождествление, но оно вытекает логически» [Jacobson, 1997. P. 439]. Другой автор утверждает, что контекстуализм «был буквально рожден прагматизмом Джемса, Пирса, Дьюи и Мида. Действительно, контекстуализм есть современное воплощение философского прагматизма» [Morris, 1993. P. 148]. Таким образом, можно заключить, что поскольку контекстуализм представляет собой современную форму прагматизма и является синонимом радикального бихевиоризма, то и прагматизм также синонимичен с радикальным бихевиоризмом.

Материализм

Я придерживаюсь противоположного взгляда. Если мы согласимся с тем, что философией, лежащей в основе бихевиорологии, является бихевиоральный материализм, а не радикальный бихевиоризм, а также с тем, что бихевиорология является исключительно естественной и, следовательно, материалистической наукой, то все терминологические проблемы, связанные с существованием различных типов радикального бихевиоризма, исчезают. Будучи материалистической философией, бихевиоральный материализм не может одновременно быть прагматической философией, поскольку, как вскоре будет показано, прагматизм занимает агностическую позицию по отношению к философскому идеализму; а материализм и идеализм, подобно маслу и воде, не могут смешиваться. Коротко говоря, не соглашаясь с тем, что существуют противоположные или несовместимые формы радикального бихевиоризма – в частности, материалистические и контекстуалистские или прагматистские, или любые другие, – мы приходим

к выводу, что существует только одна научная философия бихевиорологии, и это бихевиоральный материализм. И точка!

Здесь нужно ответить на несколько важных вопросов. Во-первых, что именно из себя представляет материализм? Во-вторых, существуют ли различные формы материализма? А если да, то о какой форме мы здесь говорим? Согласно словарной статье «Материализм» в «Краткой энциклопедии западной философии и философов»,

философский материализм – это теория о том, что все существующее материально или полностью зависит в своем существовании от материи. Эта теория включает (а) общий метафизический [то есть онтологический] тезис, что есть только один фундаментальный вид реальности и он материален, и (b) более специфический тезис, согласно которому люди и другие живые существа – это не дуалистические создания, состоящие из материальных тел и нематериальных душ, а создания, которые по своей сути телесны [Action, 1989. P. 194].

Здесь было бы полезно всестороннее рассмотрение философского материализма, но оно выходит далеко за рамки данной статьи. Как бы то ни было, для наших непосредственных целей определения, которое дал Экшн, должно быть достаточно. Практически все материалисты согласны с утверждением, что материальный мир существует независимо от нашего мышления и нашего языка. С другой стороны, для философов-идеалистов основным элементом реальности является не материя, а разум или дух. Позади или пред материальным миром таится дух или разум, его создавший. Он и есть незыблемая реальность, а материя – не более чем преходящий этап или иллюзия. Идеализм допускает возможность сверхъестественного вмешательства. Таким образом, фундаментальные положения материализма и идеализма совершенно противоположны друг другу [Novack, 1965].

В современной западной философии существует два основных типа материализма – физикализм и диалектический материализм, первый берет начало в движении логического позитивизма, а второй – в марксизме. Их, однако, часто изображают таким образом, что оба типа материализма могут выглядеть проблематично. Будучи развитием логического позитивизма, физикализм ограничен своей основной целью, заключающейся в сведении всего к физике. С другой стороны, диалектический материализм, особенно среди западных философов-марксистов (например, представителей франкфуртской школы), часто выражается посредством смутного неогегельянского

языка и интерпретируется скорее рационалистически и квазиидеалистически, нежели материалистически. Более того, в обоих видах материализма предполагается, что люди имеют сознание (*mind*), хотя оно никогда не понимается иначе, чем полностью зависящее в своем существовании от материи. Цель этой статьи не требует дальнейшего обсуждения этих различий. Суть заключается в том, что можно без противоречий быть одновременно материалистом и менталистом, опираясь на утверждение, что психическая активность или «сознание» полностью зависят от материи, особенно мозга.

Позвольте мне в этом месте предложить некоторую терминологию. В качестве общего ярлыка, мы можем называть общую материалистическую позицию *современным материализмом*, но этот термин несет в себе недостаток, заключающийся в том, что он связан с современными философскими спорами по поводу соотношения ментального и материального. Материалистическая ориентация среди ученых, занимающихся естественными науками, может быть названа научным материализмом; среди исследователей в области наук о жизни (биологических, поведенческих и социокультурных) – *селекционистским материализмом*, а среди собственно бихевиорологов – *бихевиоральным материализмом*. Этот последний тип материализма избегает проблем, связанных с ментализмом и агентизмом. Кроме того, бихевиоральный материализм принимает отбор по последствиям [Skinner, 1981] как каузальную модель (в марксистских терминах, диалектический закон) для всех жизненных процессов – биологических, поведенческих и социокультурных, а также согласуется с другими формами научного материализма, например, материалистической интерпретацией субатомной физики (при всем уважении к ее мистической и идеалистической трактовке, см., например: [Сарга, 1976]). Возможно, этого краткого описания материализма будет достаточно для того, чтобы перейти к центральному вопросу: если бихевиоральный материализм, как дальнейшее развитие классического (скиннеровского) радикального бихевиоризма, представляет собой материалистическую философию науки, то чем он отличается от прагматического взгляда, также связанного с радикальным бихевиоризмом (например, контекстуализм)?

Эволюция эмпиризма

Чтобы понять природу несовместимости прагматизма и материализма, следует рассмотреть развитие научного мышления в контексте

истории западной философии. Мой краткий обзор довольно близко следует лаконичному тексту Джорджа Новака [1971], который является последовательной материалистической критикой эмпиризма с позиций марксизма (пусть и менталистского материализма в том понимании, что было изложено выше).

Основной темой, пронизывающей западную философию со времен древнегреческих философов до наших дней, является идеологический спор между идеализмом и материализмом. Некоторое время назад я представил статью, в которой проследил истоки нашей науки [бихевиорологии] до древнегреческих материалистов [Ulman, 1992]. Здесь я начну с конца Средних веков и начала промышленной революции, периода, подготовившего почву для возникновения и развития эмпиризма.

Сэр Фрэнсис Бэкон (1561–1626) считается как отцом британского материализма, так и дедом эмпиризма. Термин «эмпиризм» имеет двойное значение, что важно учитывать: основанный на здравом смысле способ мышления о мире и специфический тип философствования. Некоторые ранние философы считали, что человеческое знание должно опираться на чувственный опыт, но они не делали своим главным принципом происхождение знания из чувственного опыта. Другими словами, можно считать, что они ориентировались на опытный подход, но не были эмпириками в философском понимании.

Подъем капитализма и промышленная революция дали импульс развитию современного естествознания, а вместе с тем – и возникновению эмпиризма, взгляда, направленного непосредственно против схоластического идеализма Церкви, который доминировал в Европе в эпоху феодализма. Эмпиризм заменил это устаревшее мировоззрение новыми научными идеями и методами. Как отмечает Новак,

показав, что наши идеи происходят из опыта посредством ощущений, уточненных впоследствии размышлениями, а также распространив принцип объяснения на многие области знания, классический эмпиризм внес весомый вклад в человеческое понимание... Эмпирические методы в науке – сбор, наблюдение и сравнение данных; экспериментирование, направленное на выяснение того, можно ли повлиять объекты и изменить их технологическими средствами; подсчет и измерение; поиск закономерностей в отдельных элементах опыта – все это достижения, выдержавшие проверку временем [Novack, 1971. P. 10–11].

Он затем добавляет крайне важное замечание, что эти достижения «не тождественны философии эмпиризма» [Ibid. P. 11]. Это момент, имеющий особую значимость: эмпиризм как отдельная философская школа стал агностическим в отношении борьбы между материализмом и идеализмом. Более того, позитивизм, а затем и прагматизм (и, следовательно, контекстуализм) – все это прямые потомки этой агностической школы философской мысли.

Итак, чем опытный, эмпирический подход отличается от философии эмпиризма? Эмпирическая философия со временем пришла к тому, что ее основанием стали определенные метафизические допущения, которые оказались противоположны целям естествознания. Чтобы понять, как произошло это изменение, нам следует рассмотреть социально-экономический контекст того времени. Религия как институт в общем и целом всегда служила интересам правящей элиты. В современном капиталистическом обществе эта роль присуща религиозным учреждениям в той же мере, что и в феодальном. Направленные на поддержание и защиту привилегированной позиции, требования, предъявляемые крошечным, но могущественным классом собственников в капиталистическом обществе, имеют двойственный и противоречивый характер. С одной стороны, капитализм требует развития эффективного научно-технического потенциала, чтобы увеличивать производство и прибыль. С другой стороны, он требует согласия людей, занятых на производстве. Обещая народным массам за послушание лучшую жизнь на том свете или вечное проклятие за неподчинение, религиозные институты служат интересам тех, в чьих руках сосредоточена власть. Но этот новый капиталистический класс не мог просто использовать официальную церковь Средневековья, поскольку идеологическое основание феодального общества базируется на таких метафизических допущениях, как божественная власть королей. Вместо этого потребовались новые религиозные институты с новой идеологией, что и привело к подъему утилитарного протестантизма.

Таким образом, философы-эмпирики столкнулись с противоречивыми требованиями, с одной стороны, развития философии, которая продвигала бы науку, с другой, примирения науки с метафизическими постулатами новых религиозных доктрин. Эти философы не были непорядочными или лживыми. Они просто пытались найти разумные компромиссы в социально-культурном климате своего времени.

Бэкон отделил теологию от естественных наук, утверждая, что никто не может познать природу Бога посредством разума или чувств,

это возможно только через откровение. Этим он продвинул материалистическую концепцию природы, позволив Богу лишь создать ее, но не вмешиваться после этого в ее причинно-следственный порядок. Бэкон также развивал эмпирические методы. Он был непоколебимым материалистом, но не эмпириком (Скиннер, как мы знаем, испытал сильное влияние научной методологии Бэкона [Skinner, 1984; Smith, 1986; 1995]).

Основателем эмпирической школы философии стал Джон Локк (1632–1704). Эмпиризм – это не мировоззрение само по себе, равно как и не онтология (теория бытия). Эмпирики, скорее, сосредотачиваются на способах и средствах получения знаний о мире, т. е. эпистемологии. Британские эмпирики пытались ассимилировать великие научные открытия промышленной революции, придерживаясь при этом точки зрения, согласно которой научное знание не может выйти за пределы чувственного познания. «Основной принцип эмпиризма состоит в том, что все знание основано на чувственном опыте» [Novack, 1971. P. 20]. Этот взгляд отрицается сторонниками идеалистической философии, например, Платоном, который утверждал, что некоторые, если не все, наши идеи имеют нематериальное происхождение, приводя в качестве примера математику. Эмпирики начинают с утверждения, что все знание основано на опыте, но они не дают ясных ответов на два вопроса: «(а) что является источником этого опыта? и (б) чем являются вещи, о которых сообщает нам опыт?» [Ibid. P. 23]. Иными словами, что есть «то», что вызывает наши ощущения? Эмпирики никогда не давали ясного ответа на этот важнейший вопрос. И именно здесь они резко расходятся с материалистами. Материалист дает совершенно четкий ответ: внешний, независимо существующий материальный мир производит наши ощущения. С эмпириками же нет уверенности, то ли (а) наши чувственные данные о мире исходят из внешней реальности, то ли (б) наши чувственные данные замкнуты на себя и не имеют неотъемлемой связи с внешним миром. Эта неопределенность (агностицизм) лежит в основе эмпирической философии и открывает возможности для идеалистических выводов (точно так же, как методологический бихевиоризм открывает возможность для менталистских умозаключений).

Например, в одном месте Локк полагает, что существует согласованность между нашими идеями и вещной реальностью, и это твердая материалистическая позиция. В другом же он говорит, что знание, выведенное из ощущений, уступает в определенности и ясности знанию, полученному посредством интуиции: «мы интуитивно знаем,

что есть дух, душа и Бог, но у нас нет ясной идеи о материальной субстанции. Последняя “есть просто то, о чем мы не знаем, что это такое”» (цит. по: [Novack, 1971. P. 24]). Эта «не знаем, что это такое» позиция подготовила почву для Кантовской непознаваемой «вещи-в-себе» и возникновению агностицизма в XIX в., который затем был ассимилирован позитивизмом и прагматизмом (и, следовательно, контекстуализмом) в XX в.

Джордж Беркли (1683–1753) превратил эмпиризм в исключительно идеалистическую философию, отрицая независимость реальности материального мира и его воздействие на нас. Он развил взгляд Локка, согласно которому мы не воспринимаем напрямую объекты физического мира, они, скорее, выводятся из наших впечатлений. Следует напомнить, что Локк, пусть он в этом вопросе и был непоследователен, не сомневался, что такие умозаключения могут дать надежное, пусть и ограниченное знание об объективной реальности. Беркли, напротив, полностью и последовательно отрицал то, что независимый материальный мир существует. Вещи существуют исключительно в восприятии; и когда нет никого, кто бы их воспринимал, они существуют в разуме Бога, который и дает нам эти представления. Таким образом,

Беркли перевернул эмпиризм с ног на голову, изгнав из него последние следы материализма. Тогда как Бэкон и Гоббс рассматривали субстанцию, тело или природу как первопричину наших ощущений, идей и знаний, Беркли их конечным автором сделал Бога [Novack, 1971. P. 60].

Коротко говоря, Беркли, защищая религию божественного откровения, превратил эмпирическую эпистемологию в оружие для нападения на такие характеристики философии Локка, которые поддерживали материализм, скептицизм и атеизм.

Позднее философ-скептик Дэвид Юм (1711–1776) обнаружил в идеализме Беркли ряд недостатков. Он задал вопрос: если у нас есть впечатления о постоянных субстанциях, что является их источником? Его ответ заключался в том, что невозможно решить, происходят ли они от внешних объектов или от Бога. Более того, наши чувственные впечатления не дают никаких доказательств того, что одно событие с необходимостью связано с другим, что одна вещь является причиной, а другая – следствием. В итоге скептицизм Юма пришел к солипсизму, взгляду, согласно которому не существует ничего, кроме отдельного индивида в отдельный момент времени. Он не отрицал,

что наши убеждения о материальных объектах, причинности и пр. полезны и даже неизбежны, но настаивал на том, что они являются исключительно продуктом психологических ассоциаций.

Давайте на некоторое время прервемся, чтобы обсудить, какое отношение история эмпиризма от Локка до Юма имеет к теме данной статьи – бихевиорального материализма и прагматизма. Критицизм Юма стал главным поворотным пунктом в эволюции западной философии. Он вскрыл врожденные недостатки эмпирической теории познания и заставил последующих философов серьезно заняться вопросом о том, как опыт может обеспечить истинное знание. «Скептицизм Юма заложил основы феноменализма, позитивизма, эмпириокритицизма, прагматизма и прочих похожих вариаций эмпирической (т. е. эмпирицистской) доктрины, возникших в XIX и XX вв.» [Novack, 1971. P. 70].

Рассматривая идеи как правила для действий, приспособленных к условиям жизни, Юм заложил основу для развития прагматической концепции познания, появившейся в XX в. Говоря точнее, вместо традиционного материалистского взгляда на истину как на соответствие наших идей независимой реальности, Юм, отринув любой объективный базис для наших идей, полагал, что истиной является то, что помогает нам справиться с повседневной жизнью. Этим он практически на полтора столетия предвосхитил прагматический критерий истины. В целом, Юм развивал субъективное мировоззрение – способ мышления о мире, который склоняется к тому, чтобы основывать умозаключения на чем-то непосредственном и поверхностном, а не к тому, чтобы погружаться в поиски фундаментальных причин за поверхностными явлениями. Этот взгляд характеризует с тех пор весь эмпиризм.

Юм, что обсуждается далее, оказал влияние на Маха – одну из ключевых фигур для истории радикального бихевиоризма, поскольку Мах повлиял на ранние работы Скиннера (см. автобиографию Скиннера 1984 г.). Но кто еще, помимо Юма, повлиял на Маха? Большое влияние на него оказал также Джон Стюарт Милль (1806–1873), радикальный утилитарист и видный деятель британского эмпиризма. Милль разрабатывал индуктивную логику и сформулировал надежные, по его мнению, научные методы выведения из отдельных наблюдаемых данных всеобщих умозаключений о порядке и последовательности событий. Согласно Миллю (и другим философам, придерживавшимся похожих взглядов, например Карлу Пирсону и Томасу Генри Гексли),

достижением наук является метод предсказания порядка следования чувственных впечатлений. Соответственно, когда наука ссылается на материальные объекты и материальные причины, она на самом деле предсказывает, какие группировки и последовательности ощущений следует ожидать, т. е., как это описывал Милль, «постоянную возможность ощущений». Цитируем Новака:

Милль поставил существование объектов в зависимость от их *возможности* восприниматься нами. Это уступка не только скептицизму Юма, но также и идеализму Беркли, который сделал существование объектов зависимым от того, *действительно* ли они воспринимаются нами [Novack, 1971. P. 74].

Милль воздерживался от конкретного ответа на вопрос, что вызывает ощущения. «Он, например, утверждал, что внешний мир есть не более чем последовательность идей, которые, как ожидается, возникают на постоянной основе» [Ibid. P. 75], воспроизводя, таким образом, феноменализм Юма, ведущий к Маху. Более того, Милль возвратился к идеалистическому аспекту философии Локка, согласно которому материальная субстанция «есть просто то, о чем мы не знаем, что это такое», а затем и превзошел идеализм Локка, постулировав существование непознаваемого внешнего мира, мира «вещей-в-себе», являющегося отличительной чертой философии Канта. Если внешний мир – это не более чем регулярная последовательность идей, можем ли мы иметь хоть какое-то реальное знание об этом мире? Милль отвечал на этот вопрос непоследовательно, и этот эклектизм является особенностью всех последующих форм эмпиризма, включая прагматизм (и, следовательно, контекстуализм). С точки зрения материализма, философия Милля является частью эпохального упадка эмпиризма, длящегося со времени смелых начинаний Бэкона. Говоря словами Новака, «ослабленный скептицизмом Юма и обезоруженный сдачей Милля главным положениям Беркли, с этого времени эмпиризм продолжил неуклонно вырождаться» [Ibid. P. 77]. Дальнейшее развитие этого направления пошло двумя разными путями. Один путь привел к преимущественно американской разновидности позитивистской философии, известной под разными именами как «прагматизм», «инструментализм» или «операционализм» (все они возникли из ревизии эмпиризма, которую провел Чарльз Пирс). Другой путь привел к феноменалистской философии Эрнста Маха.

Позитивизм и феноменализм

Обратимся сначала к философскому воззрению Эрнста Маха (1838–1916), которое называют *эмпириокритицизмом*. В поворотный момент становления современного научного мышления Мах сыграл амбивалентную роль. Его критический анализ недостатков механистической физики Исаака Ньютона, в частности, ньютоновских категорий абсолютного времени, пространства и движения, оказал значительное влияние на создание теории относительности Альберта Эйнштейна.

Не менее важным было и влияние Маха на развитие бихевиорологии. С самого начала своей научной карьеры Б. Ф. Скиннер испытывал влияние позитивизма Маха, исходящее из разных источников: сначала через Дж. Б. Уотсона, чьи взгляды на психологию побудили Скиннера стать бихевиористом; затем как аспирант в Гарвардском университете, работая в лаборатории У. Дж. Крозье. Крозье учился у Жака Лёба, который был убежденным сторонником научных взглядов Маха. В работах Скиннера можно найти следующие принципы, опирающиеся на воззрения Маха: источником науки являются каждодневные заботы повседневной жизни; наука – это просто более эффективное поведение; причины являются не более чем функциональными отношениями, а объяснения представляют собой лишь описания этих функциональных отношений; опытный (например, поведенческий) подход – это единственная эффективная эпистемология [Michael, 1993].

Но есть во взглядах Маха одна особенность, которую нельзя найти в работах Скиннера, и это его феноменализм. Более того, в труде «О бихевиоризме» (1974) Скиннер критикует феноменологов (феноменалистов) за то, что они пренебрегают «прошлым и будущим в поисках основных характеристик “здесь и сейчас”» [Skinner, 1974. P. 65]. Еще более конкретно он пишет: «Должны ли мы заключить, что все те, кто размышлял о сознании как форме “знания о самом себе” – от древних греков до британских эмпириков, а затем и феноменологов – просто трагично свое время зря? Возможно, должны» [Ibid. P. 221].

В качестве примера имматериализма Маха можно привести следующие его слова: «...мы можем считать концепцию тела ... полезной, но мы не должны позволить себе думать, что тела существуют в естественном мире; ощущения – это все, что дано нам в опыте» (цит. по: [Novack, 1971. P. 77]). Таким образом, перейдя от постулата, что знание состоит только из ощущений, к качественно иному утверждению

о том, что мир состоит исключительно из наших ощущений, Мах вступил в туманное царство феноменализма Юма.

Продолжая обзор развития эмпиризма в XX в., обратимся к логико-позитивистской школе 1920-х гг. Логический позитивизм представлял собой синтез позитивизма Маха и формальной логики. В своей превосходной книге «Бихевиоризм и логический позитивизм» (1986) Лоуренс Смит убедительно продемонстрировал, что Скиннер развивал свою систему о поведенческих отношениях вне логического позитивизма. Методологический бихевиоризм может быть с полным основанием назван позитивистским, но этого нельзя сказать о классическом радикальном бихевиоризме или бихевиоральном материализме. Основной принцип логического позитивизма заключается в том, что все имеющие значения утверждения должны быть либо верифицированы посредством прямо наблюдаемых явлений, либо быть сводимы к таким явлениям посредством логических операций. По существу, позитивисты связали формальную логику с эмпиристским тезисом Маха, согласно которому наука – это описание опыта ученого. Как отмечает Смит, «логический позитивизм скорее фокусируется на анализе языка, а не мира, который существует за его пределами. Сам по себе этот фокус является нарушением максимы Бэкона о том, что ученый должен изучать природу, а не слова» [Smith, 1986. P. 49]. Скиннер, безусловно, следовал максиме Бэкона и даже пошел дальше, показав, как «использование слов» можно изучать натуралистически как вербальные отношения, находящиеся под оперантным контролем [Skinner, 1992]. Возможно, здесь достаточно сказать, что в итоге позитивизм оказался стерилен в отношении продвижения научного знания. Будучи еще одной вариацией эмпиризма, он также был агностическим.

Закат прагматизма

Перейдем теперь к прагматизму, стопроцентно американскому продукту. Если бы в этой стране нужно было выбрать официальную философию, ей бы стал прагматизм. Говоря словами Новака:

Эмпиризм, прагматизм и инструментализм ... представляют собой три последовательных стадии развития одного направления мысли. Эмпиризм был матрицей, зачаточной и общей формой, из которой возник прагматизм, а инструментализм Дьюи является высшим выражением прагматизма [Novack, 1971. P. 122].

Названный так в 1878 г. Чарльзом Пирсом (1849–1914), прагматизм изначально представлял собой не теорию истины или новую философию, а логический принцип определения значения слов посредством рассмотрения того, какие потенциальные практические последствия может вызывать объект нашего понятия. Для Пирса было очевидно, что истина заключается в соответствии между утверждениями и фактами. Уильям Джемс (1842–1910) превратил прагматизм в философию, основанную на следующей максиме: «истинным называется все то, что оказывается благим в области убеждений»¹. Это сходство учения Джемса со взглядами Пирса поверхностно; их позиции принципиально различны [Urmson, 1989]. Бертран Рассел критиковал эту доктрину за смешение значения «истины» с критерием определения того, является ли убеждение истинным – прагматисты, «таким образом, заняли иррационалистическую позицию» [Ibid. P. 257]. Я полагаю, что эта критика справедлива. С одной стороны, критики порой неверно трактуют прагматизм, сводя его принципы к посредственному постулату: «все, что приносит удовольствие, истинно». Прагматисты этого не утверждали. Но они действительно говорили, что все, во что стоит верить, может оцениваться с точки зрения результатов, имеющих «наличную стоимость» (если использовать выражение самого Джемса), т. е. результатов, которые приносят плоды.

Перейдем к Джону Дьюи (1859–1959). Дьюи, на которого повлияли Дарвин, Пирс и Джемс, выступал против идеалистов, отделяющих мышление человека от его поведения. Он полагал, что мышление не начинается в разуме. Скорее, мышление является орудием контроля окружающей среды – результаты достигаются посредством отдельных действий. Он также критиковал взгляд, согласно которому мышление – это активность «разума», анализирующего некие чувственные данные. Скорее, мышление (или его результат) есть продукт взаимодействия человека со средой. Пока все выглядит неплохо. Риторика Дьюи звучит почти бихевиорологически, но далее он переходит к формулированию выводов о законах мышления (или логики), направленных прямо против материализма. Для Дьюи, как и Джемса, задача мышления заключается не в отражении объективной реальности как можно точнее или полнее, а в разработке методов, полезных и подходящих для достижения конкретных практических целей.

Критика Дьюи определенных идеологических взглядов – это просто первый шаг против материалистической позиции, согласно кото-

¹ Цит. по изд.: Джемс У. Прагматизм. СПб.: Изд-во «Шиповник», 1910. С. 52.

рой мышление может или должно отражать реальность [Cornforth, 1962]. Тем самым он повторно провозглашает тот самый идеализм, который, как он открыто провозглашал, следует атаковать. Здесь видна путаная и трудная для «схватывания» особенность прагматической философии. Выступая, казалось бы, против идеализма и ментализма, Дьюи, как и другие прагматисты, в конечном счете неизменно направлял острие своей критики против материализма, восстанавливая тем самым, пусть и в других терминах, идеалистическую позицию [Novack, 1975]. Один материалистический философ проливает свет на обманчивую природу прагматического метода Дьюи, называя его трехступенчатым аргументом:

Сначала атака на идеализм. Затем утверждение прагматической концепции истины, которая должна занять место [материалистической] концепции, согласно которой задача научного поиска заключается в продуцировании точного отражения объективной реальности. В-третьих, восстановление идеализма в других понятиях (Harry Wells, «Pragmatism, Philosophy of Imperialism», 1954, цит. по: [Cornforth, 1962. P. 382]).

Для любого материалиста материя первична, а мышление – вторично. Рассматриваемое с бихевиорологической (и, следовательно, материалистической) позиции, мышление есть поведение и высшая из известных нам форм движения материи, создаваемая человеческой культурой, представляющей собой высший из известных нам уровней организации материи. Таким образом, объективный материальный мир – это источник всего мышления, которое есть не что иное, как отражение материи, объективной реальности, существующей независимо от отражающего ее мышления. Так называемый «натуралистический» подход Дьюи к мышлению явным образом противоречит и отрицает материалистическую позицию. Он соединяет свой «натуралистический» взгляд на мышление как на активность человеческого организма – взгляд, согласующийся с классическим радикальным бихевиоризмом и бихевиоральным материализмом – с отрицанием того, что мышление отражает объективную материальную действительность. Отрицая, что критерий истины заключается в соответствии объективной реальности, Дьюи утверждает, что объективная реальность не стоит рассмотрения. Как в своей работе «Наука против идеализма» отмечает Конфорт, «за словесной путаницей натурализма Дьюи ясно одно – это идеализм. Среди всех непоследовательностей

прагматизма одна вещь остается постоянной – его неприятие материализма» [Cornforth, 1962. P. 384].

Контекстуализм: современный принцип прагматизма

Мы подошли к конечному пункту нашего рассмотрения – контекстуализму. В действительности, это не тип прагматизма. Если выражаться точнее, это принцип прагматизма. В «Словаре истории идей» [Wierner, 1973] описываются четыре главных принципа прагматизма: плюралистический эмпиризм, темпоралистский взгляд на реальность, секулярный демократический индивидуализм и контекстуалистская концепция реальности. Контекстуалисты, определяющие себя как поведенческих психологов, соединяют контекст и поведение в «бесшовную» целостность, в которой между ними нет четких различий. «Поведение-в-контексте» (всегда пишется через дефис) становится единым элементом с неопределенными границами. Внешний, объективный мир не существует, есть только поведение-в-контексте. И хотя контекст почти никогда не получает ясного определения, он, по-видимому, не совпадает с независимо существующей внешней реальностью, материальным миром.

Комментируя работы Скиннера, контекстуалисты демонстрируют значительную двойственность. Читая контекстуалистскую литературу, я вижу систематическую предвзятость: одобрение тех утверждений Скиннера, которые они трактуют как поддержку контекстуализма, и осуждение тех, в которых явным образом поддерживается материализм. Таким образом, бихевиорологи вряд ли могут себе позволить быть нейтральными по отношению к вопросу прагматизма / контекстуализма. Аккуратное изучение развития прагматизма ясно показывает, что идеализм есть неотъемлемая характеристика прагматизма и, следовательно, контекстуализма. Особенная осторожность нужна в отношении контекстуалистской литературы, поскольку их истинная цель, как и у прагматизма в целом (осознаваемая или нет), – это материализм, особенно материализм Скиннера, который они называют механистический радикальный бихевиоризм. Они утверждают, что «радикальный бихевиоризм включает в себя и механистический, и контекстуалистский типы бихевиоризма» и что «Скиннер соединил их непоследовательно, и одно из следствий этого состоит в том, что термин “радикальный бихевиоризм” бесполезен как общее наименование» [Hayes, Hayes, 1992. P. 233]. И эта контекстуалистская формулировка действительно делает термин «радикальный бихеви-

оризм» бесполезным. Одна из альтернатив может заключаться в том, чтобы назвать «контекстуалистский тип радикального бихевиоризма» идеалистическим радикальным бихевиоризмом. Будучи уместной, эта альтернатива, однако, служит лишь созданию еще большей терминологической сумятицы, и я не вижу пользу в употреблении этих терминов. Вместо этого описывая философские работы Скиннера как классический радикальный бихевиоризм, а его дальнейшее развитие как бихевиоральный материализм – философию, лежащую в основе бихевиорологии – мы избегаем проблемы трактовок и одновременно подчеркиваем материалистическую ориентацию бихевиорологии.

Несколько примеров из работ контекстуалистов покажут их сомнения. Согласно Линде Хейс, истина не имеет значения в единообщей (читай, «феноменалистской») системе контекстуализма. Что имеет значение для контекстуалистов, так это согласованность, т. е. соответствие между тем, что говорится, и тем, что говорилось.

В такой системе прогресс ... измеряется конструированием все более широких категорий, в которых найдется место всему, что должно быть сказано, и ничто не является настолько неподходящим, чтобы не подходить для включения. Прогресс заключается в том, чтобы говорить все меньше и меньше, пока не будут достигнуты границы, в которых больше нечего сказать [Hayes, 1993. P. 43].

В этой точке, и это прямая цитата: «можно сесть в одиночестве на горной вершине, нараспев повторяя “ом”» [Ibid. P. 43].

Я подозреваю, что контекстуалисты не совсем понимают сущность научного материализма. Чтобы это показать, я напомним, что основной вид материализма в западной философии XX в. – это диалектический материализм. Хэйнс Риз написал главу, центральный тезис которой заключался в том, что «диалектический материализм совместим с контекстуализмом» [Reese, 1993. P. 98]. Что особенно любопытно в этой главе, так это то, что в ней цитируется, но никак не комментируется книга В. И. Ленина, озаглавленная «Материализм и эмпириокритицизм» [Lenin, 1927]. В этой книге Ленин бескомпромиссно защищает материализм и обрушивает безжалостную критику на эмпириокритицизм – эмпирико-феноменалистскую позицию Эрнста Маха. Поскольку контекстуализм, будучи принципом прагматизма, является прямым наследником эмпиризма и феноменализма Маха, точка зрения Риза, согласно которой «диалектический материализм представ-

ляет собой версию контекстуализма» [Reese, 1993. P. 72], совершенно безосновательна и просто абсурдна.

Заключительный комментарий по поводу контекстуализма: контекстуалисты обращаются к работе Стивена Пеппера «Мировые гипотезы» (1942) как источнику своей позиции. В их интерпретации критерий истины для контекстуализма заключается в «успешной работе», что «подразумевает успех в отношении некоторой потенциально достижимой цели» [Hayes et al., 1988. P. 102]. Однако, как отмечают Капалди и Проктор [Capaldi, Proctor, 1994], даже Пеппер полагал, что «успешная работа» – не лучший критерий истины для контекстуализма. Цитируем Пеппера: «В действительности теория “успешной работы” есть лишь половинчатая контекстуалистская теория» (цит. по: [Capaldi, Proctor, 1994. P. 246]). Для Пеппера существуют два более адекватных контекстуалистских критерия истины: верификация гипотез (т. е. истинна гипотеза, а не действие) и качественное подтверждение, которое также делает акцент на подтверждении гипотез. Таким образом, согласно собственным стандартам Пеппера, наиболее совместима с контекстуализмом будет не индуктивная система Скиннера, а гипотетико-дедуктивная система, подобная теории Халла!

Итак, цель данного раздела заключается не в критике контекстуализма *per se*, а в ее использовании в качестве фона для развития моего тезиса, что (а) радикальный бихевиоризм, описанный Скиннером и далее развитый бихевиорологами, – это материалистическая философия, и (б) эта философия бихевиорологии должна отныне называться *бихевиоральным материализмом*, тем самым отличаясь от философской бессвязи прагматистских эпигонов Скиннера. Вопреки своим ранним взглядам, я теперь согласен с Хейсом и Хейс [Hayes, Hayes, 1992] в том, что термин «радикальный бихевиоризм» нельзя спасти.

Заключение

С материалистической точки зрения, фундаментальное различие между прагматизмом (включая контекстуализмом) и бихевиоральным материализмом сосредоточено вокруг понимания истины. Для материалистов истина определяется в терминах соответствия между реальным и независимо существующим материальным миром и тем, что мы о нем говорим. Прагматисты или отрицают, что истина представляет собой достойную для изучения проблему (см. позицию Ричарда Рорти [Rorty, 1982. P. xxv, xxviii]), или, что встречается чаще,

определяют ее в терминах согласия между утверждениями о том, «что работает». Прагматисты и другие философы, принадлежащие к эмпиристской традиции, отрицают истину как соответствие действительности на том основании, что она основана на устаревших и опровергнутых метафизических допущениях, включающих теорию копирования.

Теория копирования действительно ставит перед материалистами неразрешимые проблемы. Во-первых, она в своей основе является менталистской – копии реальности, по общему мнению, отражаются в нашем разуме. Во-вторых, сомнительной является и идея референции. Как утверждает Скиннер, «референты нельзя найти в словах, а только в обстоятельствах, в которых слова используют говорящие и понимают слушатели, но сами понятия “использования” и “понимания” требуют дальнейшего анализа» [Skinner, 1974. P. 92]. В-третьих, с точки зрения оперантного анализа вербального поведения только тесная связь между характеристиками мира и тем, что мы говорим об этих характеристиках, является тактом (т. е. вербальным поведением, которое находится под контролем невербальных стимулов), и даже тогда такты могут быть искажены сформированными операциями. Когда мы имеем дело с более сложными вербальными отношениями – автоклитиками, сиквеликами, эквивалентными связями и пр., – соответствие между тем, что говорится о том, что существует, и тем, что действительно существует, может значительно варьировать на шкале соответствия действительности.

Материализм не связан жестко с теорией копирования. Более того, бихевиоральный материализм отвергает эту теорию, но при этом опирается как на корреспондентную, так и когерентную теории истины. Эта позиция бихевиорального материализма основана на двух диалектически связанных пропозициях: утверждении Скиннера о том, что отбор по последствиям является каузальной моделью для всех живых процессов – биологических, поведенческих и культурных (включая «язык», понимаемый как вербальное поведение), объединенном с фундаментальным утверждением независимости существования материального мира, что является определяющей чертой научного материализма.

Когда дело касается утверждений о мире, прагматисты простожимают плечами и говорят: «каждый верит, во что он верит» и «мы никогда не сможем выбраться из наших языка и убеждений и увидеть их связь с тем, каковы вещи вне языка и убеждений» [Prado, 1987. P. 16]. В отличие от этого релятивистского взгляда прагматистов бихе-

виоральный материализм полагает, что (а) существует материальный мир, (б) то, что мы говорим и пишем о нем, не является произвольным, а зависит от практик подкрепления нашего вербального сообщества, и (в) эти практики в свою очередь зависят от подкрепляющих явлений материального мира, как социальных, так и несоциальных. Сообщество, наиболее последовательно подкрепляющее вербальное поведение, которое все более точно и глубоко отражает материальный мир, – это научное сообщество [Skinner, 1992, ch. 18]. Когда выводы большого числа ученых согласованы (когерентный критерий истины) и точно отражают достаточный объем эмпирических свидетельств (корреспондентный критерий истины), мы получаем все более точные аппроксимации того, что действительно существует, от химических элементов и их соединений до живых форм, от мельчайших субатомных частиц до дальних пределов Вселенной.

Заключительный комментарий по поводу сомнительной природы прагматизма как философского руководства для изучения поведения. В своей статье «Радикальный бихевиоризм в согласии с феноменологией» Уиллард Дэй (1969) утверждает, что прагматизм является философией, лежащей в основе радикального бихевиоризма. Я уже описал, что и прагматизм, и феноменология (феноменализм) представляют собой идеалистические по своей природе философии и тем самым несовместимы с материалистическими основаниями естествознания. В качестве иллюстрации сомнительной природы прагматизма как философского руководства для изучения поведения рассмотрим, как разновидность радикального бихевиоризма Дэй может привести к идеалистическим интерпретациям человеческого поведения, как она может послужить «убежищем призрака». Один из бывших учеников Дэй, Стивен Хэйс (ведущий сторонник прагматизма / контекстуализма), в необычной статье 1984 г., озаглавленной «В поисках смысла спиритуализма», использует в качестве отправной точки анализ Скиннером сознания или осознанности как «не просто видения, но видения, что я вижу» и приходит к довольно поразительному утверждению, что «Бог мог бы создать тот самый механизм, что я описываю, который делает духовность познаваемой» [Hayes, 1984. P. 110]. И мы могли бы просто добавить: «и это также могла бы сделать фея Драже».

Антиматериалистическая позиция Хэйса очевидна: «бихевиоризм можно было бы назвать ... материалистическим ... Поскольку духовные или дуалистические термины в буквальном смысле противоречат материализму ... их отвергнут как запрещенные с научной или пове-

денческой точки зрения. И хотя это логичный ответ, это, в действительности, не поведенческо-аналитический ответ» [Ibid. P. 99–100]. Безусловно, ни один последовательный бихевиоральный материалист не поддержал бы идею, что различия между спиритуализмом / дуализмом (т. е. различными агностическими формами идеализма) и материализмом – это просто вопрос логики. Материализм – это не просто слово, которое является предметом структурно-логического анализа, это допущение, лежащее в основе естественных наук. Общее впечатление от этого любопытного текста состоит в том, что Хэйс, по-видимому, ищет душу посредством оперантного анализа вербального поведения: «Можно без преувеличения сказать, что вербальное поведение дало человечеству душу» [Ibid. P. 104]. И тогда нет ничего удивительного в том, что в своем изучении эквивалентных отношений он отстаивает существование разрыва между поведением человека и животных. Можно спросить, в какой момент эволюции человеческого вида душа (внутренний агент) запрыгнула в тело? С точки зрения бихевиорального материалиста, я бы доказывал, что эволюция от поведения животного к поведению человека является полностью непрерывным биологическим и поведенческим процессом, хотя количественные различия между животными и людьми, связанные с вербальным поведением, могут быть так велики, что приводят к качественному отличию. И дальше я бы подчеркнул, в отличие от некоторых фидеистических толкований радикального бихевиоризма, что бихевиоральный материализм отвергает любые идеи об автономном агенте внутри организма, играющем какую бы то ни было каузальную роль в объяснении поведения.

Список литературы

Action, H. B. (1989). Materialism. In: J. O. Urmson & J. Ree (Eds.). *The concise encyclopedia of Western philosophy and philosophers* (3rd ed.) (pp. 194–195). London: Unwin Hyman.

Capaldi, E. J., & Proctor, R. W. (1994). Contextualism: Is the act in context the adequate metaphor for scientific psychology? *Psychonomic Bulletin and Review*, 1, 239–249.

Capra, F. (1976). *The Tao of physics*. New York: Bantam Books.

Cornforth, M. (1962). *Science versus idealism: In defence of philosophy against positivism and pragmatism* (2nd ed.). Westport, CT: Greenwood Press.

Hayes, L. (1993). Reality and truth. In: S. C. Hayes, L. J. Hayes, H. W. Reese, & T. R. Sarbin (Eds.) *Varieties of scientific contextualism* (pp. 35–44). Reno, NV: Context Press.

Hayes, S. C. (1984). Making sense of spirituality. *Behaviorism*, 12, 99–110.

Hayes, S. C., & Hayes, L. J. (1992). Some clinical implications of contextualistic behaviorism: The example of cognition. *Behavior Therapy*, 25, 223–249.

Hayes, S. C., Hayes, L. J., Reese, H. W. (1988). Finding the philosophical core: A review of Stephen C. Pepper's "World Hypotheses" *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*, 50, 97–111.

Jacobson, N. S. (1997). Can contextualism help? *Behavior Therapy*, 28, 435–443.

Lenin, V. I. (1927). *Materialism and empirio-criticism*. New York: International Publishers. (Original work [2nd ed.] published in 1920).

Michael, J. L. (1993). *Concepts and principles of behavior analysis*. Kalamazoo, MI: Society for the Advancement of Behavior Analysis.

Morris, E. K. (1993). Contextualism, historiography, and the history of behavior analysis. In: S. C. Hayes, L. J. Hayes, H. W. Reese, & T. R. Sarbin (Eds.) *Varieties of scientific contextualism* (pp. 137–165). Reno, NV: Context Press.

Novack, G. (1965). *The origins of materialism*. New York: Pathfinder.

Novack, G., (1971). *Empiricism and its evolution: A Marxist view*. New York: Pathfinder Press.

Novack, G. (1975). *Pragmatism versus Marxism: An appraisal of John Dewey's philosophy*. New York: Pathfinder Press.

Prado, C. G. (1987). *The limits of pragmatism*. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press International.

Reese, H. W. (1993). Contextualism and dialectical materialism. In: S. C. Hayes, L. J. Hayes, H. W. Reese, & T. R. Sarbin (Eds.) *Varieties of scientific contextualism* (pp. 71–105). Reno, NV: Context Press.

Rorty, R. (1982). *Consequences of pragmatism*. Minneapolis, MN: Uni. of Minnesota Press.

Skinner, B. F. (1974). *About behaviorism*. New York: Knop.

Skinner, B. F. (1981). Selection by consequences. *Science*, 213, 501–504.

Skinner, B. F. (1984). *The shaping of a behaviorist*. Washington Square, NY: New York Uni. Press.

Skinner, B. F. (1992). *Verbal behavior*. Acton, MA: Copley. (Original work published in 1957).

Smith, L. D. (1986). Behaviorism and logical positivism. Stanford, CA: Stanford University Press.

Smith, L. D. (1995). Inquiry nearer the source: Bacon, Mach, and The Behavior of Organisms. In: J. T. Todd & E. K. Morris (Eds.), *Modern perspectives on B. F. Skinner and contemporary behaviorism* (pp. 39–50). Westport, CT: Greenwood Press.

Ulman, J. D. (1992, January). *On the philosophical origins of behaviorology*. Paper presented at the meeting of The International Behaviorology Association, New Orleans, LA.

Urmson, J. O. (1989). Pragmatism. In: J. O. Urmson & J. Ree (Eds.), *The concise encyclopedia of Western philosophy and philosophers* (3rd ed.) (pp. 256–257). London: Unvin Hyman.

Wiener, P. (1973). Pragmatism. In: P. Weiner (Ed.), *Dictionary of the history of ideas* (pp. 551–570). New York: Charles Scribner & Sons.

Материал поступил в редколлегию 19.03.2019

J. D. Ulman

Ball State University

Muncie, IN 47306, United States of America

ulman2@bsu.edu

RADICAL BEHAVIORISM VERSUS PRAGMATISM

Some behaviorists consider positivism to be an obsolete scientific philosophy and advocate for pragmatism or a tenet thereof, contextualism, as the appropriate philosophical world view for the study of behavior. I argue that pragmatism is just as flawed as positivism and for essentially the same reason: they both stem from the same source – British empiricism. I distinguish between empirical and empiricism, the former, the inductive experimental approach put forth by Francis Bacon (1561–1626) and exemplified in the work of B. F. Skinner; the latter, a problematic epistemology founded by John Locke (1632–1708) leading to ambiguity and confusion about the connection between sensation and material reality, and eventually to the proliferation of mentalistic/cognitive constructs that appear in the behavioral literature today. I also examine the ambivalent role of Ernst Mach’s philosophy of science, one that strongly influenced such notable scientists as Einstein and Skinner but also had the retrograde effect of establishing positivism as a school of philosophy. Finally, I argue

that the term radical behaviorism should be replaced with behavioral materialism as the designation for the scientific philosophy underlying behaviorology, a philosophy that is aligned with scientific materialism, not with pragmatism or contextualism.

Keywords: behaviorology, behavioral materialism, contextualism, materialism, positivism, pragmatism, radical behaviorism.

References

Action, H. B. (1989). Materialism. In: J. O. Urmson & J. Ree (Eds.). *The concise encyclopedia of Western philosophy and philosophers* (3rd ed.) (pp. 194–195). London: Unvin Hyman.

Capaldi, E. J., & Proctor, R. W. (1994). Contextualism: Is the act in context the adequate metaphor for scientific psychology? *Psychonomic Bulletin and Review*, 1, 239–249

Capra, F. (1976). *The Tao of physics*. New York: Bantam Books.

Cornforth, M. (1962). *Science versus idealism: In defence of philosophy against positivism and pragmatism* (2nd ed.). Westport, CT: Greenwood Press.

Hayes, L. (1993). Reality and truth. In: S. C. Hayes, L. J. Hayes, H. W. Reese, & T. R. Sarbin (Eds.) *Varieties of scientific contextualism* (pp. 35–44). Reno, NV: Context Press.

Hayes, S. C. (1984). Making sense of spirituality. *Behaviorism*, 12, 99–110.

Hayes, S. C., & Hayes, L. J. (1992). Some clinical implications of contextualistic behaviorism: The example of cognition. *Behavior Therapy*, 25, 223–249.

Jacobson, N. S. (1997). Can contextualism help? *Behavior Therapy*, 28, 435–443.

Lenin, V. I. (1927). *Materialism and empirio-criticism*. New York: International Publishers. (Original work [2nd ed.] published in 1920).

Michael, J. L. (1993). *Concepts and principles of behavior analysis*. Kalamazoo, MI: Society for the Advancement of Behavior Analysis.

Morris, E. K. (1993). Contextualism, historiography, and the history of behavior analysis. In: S. C. Hayes, L. J. Hayes, H. W. Reese, & T. R. Sarbin (Eds.) *Varieties of scientific contextualism* (pp. 137–165). Reno, NV: Context Press.

Novack, G. (1965). *The origins of materialism*. New York: Pathfinder.

Novack, G., (1971). *Empiricism and its evolution: A Marxist view*. New York: Pathfinder Press.

Novack, G. (1975). *Pragmatism versus Marxism: An appraisal of John Dewey's philosophy*. New York: Pathfinder Press.

Prado, C. G. (1987). *The limits of pragmatism*. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press International.

Reese, H. W. (1993). Contextualism and dialectical materialism. In: S. C. Hayes, L. J. Hayes, H. W. Reese, & T. R. Sarbin (Eds.), *Varieties of scientific contextualism* (pp. 71–105). Reno, NV: Context Press.

Rorty, R. (1982). *Consequences of pragmatism*. Minneapolis, MN: Uni. of Minnesota Press.

Skinner, B. F. (1974). *About behaviorism*. New York: Knop.

Skinner, B. F. (1981). Selection by consequences. *Science*, 213, 501–504.

Skinner, B. F. (1984). *The shaping of a behaviorist*. Washington Square, NY: New York Uni. Press.

Skinner, B. F. (1992). *Verbal behavior*. Acton, MA: Copley. (Original work published in 1957)

Smith, L. D. (1986). *Behaviorism and logical positivism*. Stanford, CA: Stanford Uni. Press.

Smith, L. D. (1995). Inquiry nearer the source: Bacon, Mach, and The Behavior of Organisms. In: J. T. Todd & E. K. Morris (Eds.), *Modern perspectives on B. F. Skinner and contemporary behaviorism* (pp. 39–50). Westport, CT: Greenwood Press.

Ulman, J. D. (1992, January). *On the philosophical origins of behaviorology*. Paper presented at the meeting of The International Behaviorology Association, New Orleans, LA.

Urmson, J. O. (1989). Pragmatism. In: J. O. Urmson & J. Ree (Eds.), *The concise encyclopedia of Western philosophy and philosophers* (3rd ed.) (pp. 256–257). London: Unvin Hyman.

Wiener, P. (1973). Pragmatism. In: P. Weiner (Ed.), *Dictionary of the history of ideas* (pp. 551–570). New York: Charles Scribner & Sons.